

ГЛАВА 6

Шизофрения, как и было сказано

Аркан 6. Наименование: *Возлюбленный.*

Буква евр. алф.: ך Вау.

Иероглиф: *Глаз; ухо.*

Числовое значение: *6.*

Гностический символяриум: *Творение; Свобода выбора; Возлюбленный Вселенной (Даена); Живой Космос; Любовь Земная и Любовь Небесная; Одевание духовного брака; Произволение по любви.*

Графический символ: ✧ *Гексаграмма.*

Астральный знак: ♉ *Телец.*

Орденское описание. В шестой день миротворенья появляются все живые существа во главе с «венцом творенья» — человеком, Возлюбленным всех Высших Сил. Поочередно лепятся подружки ему: небесная — Лилит и земная — Ева. Первая создается из надмирного вещества, и Адам с ней не чувствует себя в *своей тарелке*. Тогда из его ребра изготавливается ему дубликат-подобие, и уже в этом случае избранник Небес надолго бросает корень в толщу земного. Правда, душа его “грустит

о небесах” и оставленной сгоряча Афродите-Урании, а глаз с тоской скользит по вечно беременной покладистой подруге.

Старая трактовка аркана как выбор между добром и злом слишком категорична и “партийно” однозначна: человек стадияльно движется от поверхностного к глубинному, и Высшие Силы не ограничивают ему свободу манёвра, хотя и упорный инфантилизм терпят только до времени. Дурная бесконечность продолжения рода начинает застывать восхождение *в горние*, запрограммированное богоподобием человека. Ева, конечно, серебро (*се ребро*), и приятно ощущать себя на её фоне самородком, да только Небесная Любовь — подлинное золото и стоит с Адамом Кадмоном вровень.

Замечательна роль Солнечного Гения в этой сцене. Он оповещает Возлюбленного о последствиях выбора. Это посланник Солярного Логоса¹, чья задача объяснить, научить — отнюдь не принудить.

В более поздние времена уроки Возлюбленному стали не столь лучезарны, вместе с тем не потеряли ни грана своей гностической полноты. В обыденном смысле это постоянное брение в человеке страстей и совести, капризов и дисциплины, эгоизма и долга.

Иван-дурак, поданный Булгаковым в фольклорно-эпическом и ироико-мическом роде, проходит кульминационный этап своей обработки.

Шестому аркану соответствует возраст 6 лет, когда у человека отнимается животное бессмертие, и на его место монтируется кристалл духа, «искра Божья» — признак полной “комплектности” индивидуума и начало не только осмысленного, но и ответственного поведения.

Итак, превратившегося в куколку Ивана привезли для дальнейших превращений в дурдом. Клиника Стравинского описывается в ключе фантастических лечебниц из будущего, являясь автореминисценцией пьесы «Блаженство», а отчасти и пародией на неё. Рисунок поведения Бездомного напоминает слова и действия Грозного из «Ивана Васильевича» (*Вредитель! Гнида! и Смерд!*), а Стравинский — это доведённый до совершенства Радаман(ф)ов фантазии 1933 года, к тому же не изуродованный цензурной правкой.

Приглядимся к “вредителю” с композиторским камертоном в кармане.

В аспекте уже прозвучавших демонологических штудий в “человеке с *острой бородкой*” без труда узнаётся оппонент-собеседник Фауста сцены в кабинете Гётевской драмы. Та же адаптация сквозь переругивание, та же утрата *правоверности* (в случае Ивана — советской), та же битва разума и эмоций, здравого смысла и хамства — всё это при интеллигентной снисходительности врача ко всем речевым издержкам пациента. Повелительно-деспотическая хирургия шестикрылого серафима Пушкинского «Пророка» сменяется доводами рассудка *средних лет софиста*, холодными и острыми как сталь, какие крыть (против *шести*) хоть и очень хочется, да нечем. Доказывает он утверждающему своё абсолютное здоровье “из-

¹ Солярный Логос — праздничная ипостась Планетарного Логоса.

вестному поэту”, что человек, не признающий реальности Планетарного Логоса и Сатанаила (последнего вопреки очевидности — это вам не *чёртики* и тараканы хлудовские), есть стопроцентно его пациент, клиент и добыча. Сев на одноногий табурет и мгновенно превратясь в одноногое божество (скорее всего, Гермеса, почитавшегося в виде гермы, сиречь камня на перепутье дорог), профессор подробно обрисовал Дураку 21-го аркана пути-альтернативы, каждый из которых снова приводил назад. “Слава те господи!” — отходит сердцем певец атеизма, сосредоточив все молнии на “пеленаторе”.

А Рюхин, *шестерёнка* простодушная, шестерящая в версификаторской клоаке этажом ниже хулиганствующих “самородков” типа Сергея Есенина и Павла Васильева, костерит себя почём зря за то, что два часа подряд бескорыстно “валял Ваньку”, от него же валеным по рылу и схлопотал. Впрочем, соловьи — всегда *разбойники*, змеюки и Встаньки Разины.

Пока дежурный “аудитор” собирает анамнез, оба-два грибоедовца вспоминают наперебой, что случилось анамнись. Тут и всплывает фамилия ещё одного композитора, кому повезло быть однофамильцем самого солидного председателя Массолита. Явно сплетается какая-то музыкальная сеть-западня, вернее, северо-западня², тем более имя и отчество композитора-психиатра, Александр Николаевич С. (АНС), полностью совпадает с инициалами Александра Николаевича Скрябина, чьё музыкальное достоинство в аттестациях не нуждается.

Попался, голубок шизокрылый!

Правда, что наличие *иконки* и *свечечки* в руках члена Союза воинствующих безбожников объяснить под дулом микроскопа не представляется возможным. *Краснеть* же надо было раньше — и внутри, а не извне.

Ретроградное движение отступника и псифилитика поганого начинается с признания существования *нечистой силы*. При словах “за это я ручаюсь” врачи и санитары поняли, что человек *дошёл до ручки*.

Между тем привезённый доходяга попросился по нужде позвонить.

Разговор с милицией хоть и был проведён на *пять*, оказался катастрофическим. Тут-то и началась “Поэма экстаза”, она же *Мания Фурибунда* по интуристу. В этот раз игла с виду *тихого* врача настигает-таки *голубчика*.

И начинается астральное путешествие Ивана в сто (первый этаж) семнадцатой (аркан *Звезда*) отдельной (или бездельной) палате (“номер шесть” соответственно главе Романа). *Пост* (фактум) — это знак спёртого (рыданиями) мата.

Глаза фурибундовца вскоре слиплись, как пельмени. Рюхину же объяснили, что бескрайний русский березняк приводит к соответствующего цвета горячке. Особенно если не закусывать.

После этого следует развёрнутое соло Сашки-бездарности, гниды и кулачка, иллюстрирующее “пропетую” как-то Булгаковым мысль: “Кто скажет что-нибудь в защиту зависти?”

Посещение *дома скорби* наполнило голову борзописца потоком холодной ясности, что он всегда лишь *как дурак*, а не Понырёв-круглый, да и годы наоборот-

² См. 61; 163.

ные (23 — 32); от банной же лиры запах, как из гнилого рта. И тут происходит его знаменательная встреча с Пампушкой на Твербуле. “Мотор России об одном цилиндре” особенно контрастен по отношению к многоцилиндровому кентавру, предвосхищающему пародийно картинку Седьмого аркана *Колесница*.

Однако “разъяснить” стоящего перед ним металлического Возлюбленного всея Руси Рюхин тоже не в силах. “Повезло, повезло!” — *ядовито* шепчет гореседок — и в это время “колонна тронулась”. Тронулся вместе с ней и Александр Невеликий — да так, что даже контрдроводы алкоголя оказались слабоваты перед пустыми глазницами голой правды. Да и что может спиритус вини перед бетоном того, кто давно уже *был не в духе*? Лучше уж спать Возлюбленным дураком в дурдоме, чем бдеть никому — даже самому себе — не нужным *скорчившимся над рыбцом* ничтожеством. Оставалось только глушить себя огненной влагой из источника забвения, выжигая напрочь скверну реального положения вещей.

Тихо, как тать, к самоубийце подобрался рассвет.

Именно в Шестой главе осуществляется процедура «сон в храме». Показательно — *храмом* в этом случае является психушка, бедлам, дурдом. С другой стороны, разве это удивительно? В густом “сюрреализме советской жизни” простая, сермяжная *сдвинутость по фазе* была наименьшим из зол. “Скорбные главой” противостали *подлым душой* швондерам и шариковым — не у всех же были привилегии профессора Преображенского. Тогда психушка и сделалась последним приютом Мастера.

Об этом речь впереди.

А то, что в *дурдоме* оказывается Иван-дурак, производит впечатление само собой подразумевающегося. Шар попадает прямёхонько в лузу. Такова *линия судьбы*. “Поэт Бездомный” наконец-то нашёл свой дом. Разглядим место его приземления.

Клиника Стравинского описывается в футурологически-гиперболизированных тонах. Строение перекочевало в Москву 20-х годов из Страны Блаженных, Островов Счастья, Земного Рая.

“...Женщина нажала кнопку в столике, и на его стеклянную поверхность выскочила блестящая коробочка и запаянная ампула. <...>

...Бесшумно открылись белые двери, за ними стал виден коридор, освещённый синими ночными лампами. Из коридора выехала на резиновых колёсиках кушетка, на неё переложили затихшего Ивана, и он уехал в коридор, и двери за ним замкнулись”.

“Коридор, освещённый...” — это, конечно, *коридор посвященный*, и Иван въезжает вглубь Печи Преображений (в контраст с отверстием печи крематория). Начинается последняя стадия вылупления из скорлупы “ветхого Ивана” *Ивана нового*, Ивана нашедшего свой дом, и как Блудный сын, вспомнившего родство.

Преобра-женский сменяется здесь преобра-мужским Стравинским. “Симпатическая” магия уступает место *духовной алхимии* — науке Древнего Египта. Подопечный сверчок “домового комитета” замещается категорически *Бездомным*.

Инкубация входит в завершающую стадию.